

отмечена экономическая жизнь Ливонии первой половины XVII в.⁷⁵

Выгодностью в конечном счете русско-ливонских договоров 1509 г. для обеих сторон было обусловлено повторение их норм в последующих русско-ливонских договорах первой половины XVI в.⁷⁶ Значительное изменение содержания и формуляра договоров имело место лишь в договорах 1550 и особенно 1554 г., когда правительство Ивана IV готовилось поставить вопрос о необходимости для России получения выхода к Балтийскому морю.⁷⁷

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

СУДЬБА ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

В Великом Новгороде к концу его независимого существования должен был накопиться очень богатый государственный архив. Прежде всего в этом архиве должны были храниться основные государственные акты, определявшие юридический статус Новгорода, его отношения с приглашаемыми на княжение князьями, а также главные законодательные документы — Новгородская судная грамота и т. д. Вследствие пограничного положения Новгородской земли Новгород вел сношения с пятью государствами — Литвой, Ливонией, Швецией, Норвегией и с Ганзейским союзом немецких торговых городов; внутри Руси Новгород имел частые сношения со многими удельными княжествами и с официальным главой русской феодальной иерархии — с великим князем владимирским, поэтому в архиве должна была отлагаться документация международных и внутрирусских дипломатических сношений. Обладая огромными владениями (охватывавшими почти всю северную половину Восточной Европы), Новгород, вероятно, имел и постоянно накапливал документацию о фискальном обложении подвластных территорий и о сборе повинностей. В государственном архиве скорее всего находились и документы о землевладении, судопроизводстве, текущих делах государственного управления и т. д.

невозможность для России покрыть спрос солью отечественного производства.

⁷⁵ История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952, стр. 143—146; История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, стр. 274.

⁷⁶ Договоры заключались в 1521 г. (Книга посольская, т. II, № 69; РЛА, № 369; СГГД, ч. V, № 95), в 1531 г. (СГГД, ч. V, № 105, 106; РЛА, № 377), в 1534 г. (ЦГАДА, ф. 64, оп. 2, д. 7). Единственное изменение в них по сравнению с договорами 1509 г. — отсутствие запрета на ввоз соли в Россию.

⁷⁷ О договорах 1554 г. см.: И. П. Шаскольский. Русско-ливонские переговоры 1554 г. . . .

Новгородская республика была территориально самым крупным из государственных образований на Руси периода феодальной раздробленности, обладала наиболее длительной историей по сравнению с другими русскими княжествами, дожившими до XV в. И особенно надо иметь в виду, что Новгород был единственным из больших древнерусских городов, уцелевшим от страшного погрома Батыева нашествия и ни разу до конца XV в. не подвергавшимся захвату и разорению вражескими войсками. Поэтому есть все основания полагать, что к моменту падения новгородской независимости государственный архив Новгорода был наиболее крупным из архивов древнерусских княжеств и одним из самых значительных архивов Северной и Восточной Европы.

Среди ученых до недавнего времени существовало мнение, что, поскольку архив был одним из основных государственных институтов Новгородской республики и хранил важнейшие документы, свидетельствующие о государственном суверенитете Великого Новгорода, договоры с русскими князьями и с иноземными державами, подтверждавшие и закреплявшие его самостоятельное политическое существование, после ликвидации Новгородской боярской республики в конце XV в. вместе с вечевым колоколом и другими атрибутами новгородской независимости архив был целиком или в основной своей части вывезен в Москву; при этом ссылались на нахождение в московском великокняжеском архиве важнейших документов Новгородской республики — договоров Новгорода с великими князьями XIII—XV вв.¹ Однако Л. В. Черепнин в своем капитальном исследовании о русских феодальных архивах XIV—XV вв. убедительно показал ошибочность этой точки зрения. Оказалось, что находившиеся в московском великокняжеском архиве (и сохранившиеся до наших дней в фонде Государственного древлехранилища в Центральном государственном архиве древних актов в Москве) подлинные договорные грамоты Новгорода с князьями XIII—XV вв. были доставлены в Москву не из Новгорода, а из Твери и представляют собой остатки тверского княжеского архива, вывезенного в Москву, по-видимому, после ликвидации самостоятельности Тверского княжества в 1485 г. Исследовав все известные нам документы Новгородского государства (все документы, исходившие от государственных органов), Л. В. Черепнин пришел к заключению, что до наших дней не сохранилось в подлиннике ни одного документа новгородского государственного архива, следовательно, отпадают все аргументы в пользу мнения о вывозе этого архива в Москву после подчинения Новгорода Иваном III.²

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I. Л., 1928, стр. 39, 44; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. М., 1940, стр. 114.

² Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.—Л., 1948, стр. 225—239.

Но что же случилось с новгородским архивом после событий 1471—1477 гг.? Л. В. Черепнин высказал предположение, что «новгородский государственный архив погиб, и вряд ли случайно. Возможно, что его намеренно уничтожила московская рука, не желая хранить те документы, которые не отвечали политическим позициям Москвы конца XV в.»³

В настоящей работе мы приведем ряд свидетельств источников, подтверждающих основной вывод Л. В. Черепнина о том, что новгородский архив после 1471—1477 гг. не был увезен в Москву; но из тех же указаний источников явствует, что новгородский архив не был уничтожен московскими властями после подчинения Новгорода Русскому государству, а продолжал существовать и в XVI в. Л. В. Черепнин прав, предполагая, что этот архив погиб, но погиб он не в результате сознательного действия московской администрации в 70-х годах XV в.

Прежде всего отметим некоторые факты, свидетельствующие, что новгородский архив в конце XV и первой половине XVI в. оставался в Новгороде.

В 70-е годы XV в. от покоренного Новгорода создающемуся Русскому государству перешло большое внешнеполитическое наследство: отношения с соседними государствами — Литвой, Ливонией, Швецией, Норвегией (с конца XIV в. подвластной датским королям). Особенно важны были и в конце XV, и в первой половине XVI в. отношения с Ливонией: ведь через ливонские порты шла большая часть русской внешней торговли; но эти отношения были и весьма сложны из-за антирусской настроенности правящих кругов Ливонии. Казалось бы, ввиду этого сразу после ликвидации новгородской самостоятельности нужно было вывезти в Москву основные документы отношений с Ливонией — договоры Ливонии с Новгородом. Однако в московском архиве не сохранилось до наших дней ни одного подлинного новгородско-ливонского договора.⁴ По всей видимости, в московском Царском архиве этих договоров не было и в XVI в. Так, из описи Царского архива, составленной в 1570-х годах, видно, что в архиве не имелось ни одного подлинного договора Новгорода с Ливонией, заключенного до ликвидации новгородской независимости.⁵ И больше того, из этой описи явствует, что даже некоторые договоры с Ливонией, заключенные после па-

³ Там же, стр. 353.

⁴ Подлинники русско-ливонских договоров до настоящего времени сохранились в ЦГАДА лишь начиная с 1509 г. (и то далеко не все).

⁵ Все упоминаемые в описи договоры с Ливонией относятся ко времени, когда Новгород уже утратил свою независимость (Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, ящики 11, 90—93, 142, 151, 153, 154, 166, 169). Это заключение подтверждается и при просмотре более подробной, составленной 40 лет спустя описи архива Посольского приказа, унаследовавшего внешнеполитическую документацию Царского архива (там же, стр. 79—81, 90).

дения новгородской независимости, в последние десятилетия XV и в первые десятилетия XVI в., при Иване III и при Василии III,⁶ длительное время оставались в Новгороде и были привезены в Царский архив только после смерти Василия III (т. е. после 1533 г.), «по велению великого князя Ивана Васильевича»,⁷ следовательно, не ранее середины 1540-х годов, когда Иван Грозный стал сам править государством, но до 1547 г., когда Иван IV сменил великокняжеский титул на титул царя. И нам из другого источника точно известно, что в 1554 г. в Царском архиве не было договора с Ливонией, заключенного Новгородом в 1474 г.⁸

Не было в XVI в. в московском архиве и договоров Новгорода с другим крупнейшим соседним государством — Швецией,⁹

⁶ Вероятно, подразумеваются не сохранившиеся до наших дней в ЦГАДА договоры с Ливонией 1474, 1481, 1493, 1503 гг., заключенные при Иване III, а также сохранившиеся в подлинниках в ЦГАДА заключенные при Василии III договоры 1509, 1521, 1531 гг.

⁷ Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г., стр. 18; там упоминаются находившиеся в 11-м ящике Царского архива «грамоты перемирные мастера Ливонского» (т. е. договоры с Ливонией), заключенные при Иване III, и добавляется, что эти грамоты «привез из Новгорода дьяк Григорей Загряжской, после великого князя Василья, по велению великого князя Ивана Васильевича всеа Руси». Кроме того, в ящиках 91—93 (там же, стр. 27) находились три договора Новгорода и Пскова с Ливонией, и во всех трех случаях в описи добавлено, что данный договор «привез Шарап Замытцкой»; очевидно, подразумевается, что он привез эти документы в Царский архив из Новгорода. Все три записи никак не датированы, но из описи Посольского приказа 1614 г. известно, что сын Шарапа Замытцкого Иван Шарапович («Иван Шерапов сын Замытцкой») был одним из главных участников переговоров со Швецией 1557 г. (там же, стр. 120); следовательно, находившиеся в ящиках 91—93 Царского архива договоры с Ливонией были привезены в Москву скорее всего на 2—3 десятилетия ранее, в 20—30-е годы XVI в.

⁸ Во время русско-ливонских переговоров 1554 г. в Москве дьяку Ивану Висковатому, руководителю Посольского приказа и главе русской делегации на данных переговорах, для аргументации важной претензии Русского государства к Ливонии потребовалось предъявить ливонским послам договор, заключенный в 1474 г. Новгородом и Псковом с входившим в состав Ливонского федеративного государства Дерптским епископством (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 78); при этом важно было предъявить именно подлинник договора как аргумент, бесспорно доказывающий законность русского требования. Однако в Царском архиве подлинника договора не оказалось, и Висковатому пришлось зачесть текст договора по книге, т. е. по имевшейся в Царском архиве книге списков (копий) различных важных государственных документов (Отчет о переговорах 1554 г. В кн.: Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, т. I. М., 1915, № 20, стр. 36; П. П. Ша-скольский. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 388).

⁹ В Стокгольмском архиве сохранилась реляция шведских послов о русско-шведских переговорах 1537 г., в которой сообщается, что во время первой части переговоров, проходившей в Москве (вторая часть переговоров 1537 г. велась в Новгороде), послам смогли показать только

отсутствовал даже важнейший договор, определявший всю систему отношений Новгородской республики и Швеции в XIV—XV вв. (и Русского государства со Швецией в XVI в.), — Ореховецкий договор 1323 г. А ведь Ореховецкий договор 1323 г. был договором «о вечном мире», все позднейшие договоры Новгорода (до конца XV в.) и Русского государства (с конца XV в. до 1595 г.) со Швецией только возобновляли и подтверждали условия Ореховецкого договора, поэтому, казалось бы, правительству Русского государства нужно было иметь постоянно в своем распоряжении подлинник Ореховецкого договора, чтобы его использовать при подготовке и проведении каждого последующих переговоров со Швецией. Однако — по сведениям русских и шведских источников — нам точно известно, что вплоть до 1537 г. подлинник Ореховецкого договора находился в Новгороде,¹⁰ и лишь в 1537 г. он был привезен в великокняжеский архив;¹¹ заодно из Новгорода в Москву был доставлен и договор Новгорода со Швецией 1339 г.¹²

Договоры Новгорода с Норвегией в Царском архиве вообще отсутствовали, и само имя «Норвегия» в описи Царского архива

4 русско-шведских договора, видимо последних по времени заключения, составленных уже после ликвидации Новгородской республики; скорее всего это были договоры 1504, 1510, 1513, 1524 гг. (I. Fridlaender. *De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323—1513*. Historisk tidskrift, Stockholm, 1946, s. 126).

¹⁰ По сведениям упомянутой посольской реляции, шведским послам в Москве русское правительство сообщило, что Ореховецкий договор хранится в Новгороде, а по приезде послов в Новгород послам был предъявлен подлинный экземпляр Ореховецкого договора (I. Fridlaender. *Op. cit.*, s. 126). Это был экземпляр, написанный на шведском языке, следовательно, составленный шведской стороной (чем дополнительно подтверждается его подлинность, ибо в момент заключения договора сторонам надлежало обменяться подлинными экземплярами, и шведский экземпляр должен был оказаться в руках русской стороны).

¹¹ В Описи Царского архива XVI в. упоминается находящаяся в 96-м ящике «грамота княж Юрьева с Магнушем, королем свейским, и великого князя Ивана Даниловича с Магнушем, привез из Новагорода Офонасей Курицын лета 7045-го» (Опись Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г., стр. 27; 7045 г. = 1537 г.). Перевозка договора в Москву, по-видимому, произошла после переговоров со Швецией 1537 г.

¹² В тексте Описи Царского архива (см. прим. 14) упоминается грамота «великого князя Ивана Даниловича с Магнушем»; по данным Новгородской I летописи, в правление Ивана Даниловича Калиты договор со Швецией был заключен в 1339 г. В реляции шведских послов (см. прим. 13) говорится еще о каком-то древнем русско-шведском договоре, показанном послам русскими властями в Новгороде в мае 1537 г., скорее всего там подразумевается договор короля Магнуса с Иваном Калитой 1339 г. (J. Gallen. *Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns*. Helsingfors, 1968, s. 41—42). Впоследствии при неизвестных обстоятельствах (возможно, при пожаре в Кремле 1626 г., сильно повредившем московские архивы) оба написанные на пергамене договора (1323 и 1339 гг.) погибли, и в России не осталось даже их списков; несколько списков Ореховецкого договора сохранилось в Стокгольме, договор 1339 г. утрачен и в Швеции.

(и в позднейшей описи архива Посольского приказа) не упоминается. Правда, мы не знаем, сохранились ли в новгородском государственном архиве к концу XV в. договоры с Норвегией, заключенные в 1251 и 1326 гг. Но нам определенно известно, что в новгородском архиве (или в одном из новгородских архивов) в конце XV в. имелось большое число документов не только XIII—XV вв., но и домонгольского времени, относившихся к сфере внутренних отношений. Тем более надо предполагать, что в Новгороде бережно хранили документы большой государственной важности, определявшие всю систему пограничных отношений с Норвегией, — договоры 1251 и 1326 гг.¹³ И то обстоятельство, что эти договоры не были вывезены в Москву и отсутствовали в московском архиве в конце XVI и начале XVII в., когда возник спор с Данией (владевшей тогда Норвегией) из-за права обладания пограничными землями, заметно ослабило позиции русского правительства в дипломатической борьбе с правительством Дании.

Поскольку в Новгороде оставались даже самые основные документы внешнеполитических отношений — договоры с соседними государствами, то надо полагать, что там находилась и вся остальная накопившаяся в государственном архиве внешнеполитическая документация, не столь необходимая в Москве для продолжения сношений с государствами, соседствовавшими с Новгородской землей. Видимо, внешнеполитическая часть государственного архива целиком осталась после 1470-х годов в Новгороде.

В нашем распоряжении есть еще один, до сих пор не использованный в данной связи аргумент, бесспорно свидетельствующий, что новгородский архив (или по крайней мере его значительная часть, или один из новгородских архивов, если таковых было несколько) не был увезен в Москву и оставался в Новгороде и после ликвидации Новгородской республики. Это знаменитые в истории русской сфрагистики находки на Городище около Новгорода.

С начала XX в. было обнаружено, что во время весенних паводков воды Волхова вымывают ежегодно из берегов Городищенского холма не менее двух десятков свинцовых вислых печатей (булл) времени существования Новгородской республики. Осно-

¹³ Договор 1251 г. узаконил установившуюся к тому времени сложную систему даннических отношений в земле саамов — на Кольском полуострове и в Финмаркене, — где и Норвегия, и Новгород обладали правом сбора дани со всего саамского населения (платившего одновременно две дани — и норвежским, и русским данщикам); закрепленная договором 1251 г. система даннических отношений просуществовала до 1602 г. Вне зависимости от права сбора дани договором 1326 г. была официально закреплена установившаяся к тому времени государственная граница Новгорода и Норвегии, поделившая на 2 части землю саамов (И. П. Шакольский и др. 1) Договоры Новгорода с Норвегией. Истор. записки, № 14, 1945, стр. 52—60; 2) Русско-норвежский договор 1326 г. Скандинавский сборник, вып. XV, Таллин, 1970, стр. 67—70).

вателем русской сфрагистики Н. П. Лихачевым был налажен сбор находок этих печатей, продолжающийся с тех пор и давший большую часть находок древнерусских печатей для всей территории нашей страны: здесь найдено более тысячи булл, что составляет около половины всех находок, сделанных в СССР. Совершенно очевидно, что эти поразительные по масштабам находки могут иметь только одно объяснение: в почве Городищенского холма находятся остатки древнего архива; сами рукописи за прошедшие столетия истлели, сохранились лишь свинцовые буллы, скреплявшие документы.¹⁴

Были ли это весь архив древнего Новгорода или один из новгородских архивов? Во всяком случае это было огромное собрание новгородских документов XI—XV вв., оставшееся в Новгороде и погибшее в земле Городищенского холма, погибшее, по всей видимости, не в результате насильственной смерти: при сожжении архива печати из сравнительно легко плавящегося свинца уцелеть бы не могли.

Предположения о вывозе или об уничтожении новгородского архива исходили из представления о том, что после ликвидации Новгородской республики государственный архив в Новгороде утратил свое практическое назначение. Между тем есть основания полагать, что и после падения новгородской независимости осталась практическая потребность в дальнейшем существовании и функционировании здесь архива.

Когда в 70-е и 80-е годы XV в., после подчинения Новгорода и Твери, Московское княжество превратилось в Русское государство, в Москве вместо весьма немногочисленной администрации московских князей начал создаваться большой приказный аппарат, который мог бы осуществлять управление огромным государством, раскинувшимся от Балтики до Западной Сибири. Но формирование подобного аппарата не могло быть проведено сразу, а потребовало длительного времени и завершилось лишь в середине и второй половине XVI в.; в последние десятилетия XV в. и в первые десятилетия XVI в. центральная правительственная администрация в Москве была еще невелика, только перестраивалась для выполнения новых задач и не была в состоянии непосредственно из столицы полностью осуществлять все функции управления и прежней территорией Московского княжества, и огромными, вновь присоединенными областями, особенно территорией бывшей Новгородской республики, имевшей очень значительные размеры и давно сложившуюся собственную систему административного управления. Поэтому, пока не была

¹⁴ В. Л. Янин. Изучение древнерусских вислых печатей. Вспомогат. истор. дисциплины, I, Л., 1968, стр. 33—35. По-видимому, прорытый во второй половине XVIII в. Сиверсов канал (между Мстой и Волховом), прорезавший южную часть Городищенского холма, разрушил культурный слой в том месте, где некогда находился архив, и сохранившиеся остатки архива — свинцовые буллы — стали вымываться из почвы водами Волхова.

достигнута необходимая степень централизации, в пределах Русского государства пришлось временно сохранить некоторые черты федеративного устройства, в частности, оставить за Новгородской землей известную автономию. Официально стало считаться, что подчиненная Иваном III Новгородская республика вошла в состав его державы в качестве «Новгородского государства», подвластного великому князю всея Руси; термин «Новгородское государство», обозначавший подвластную великим князьям, а с 1547 г. — царям прежнюю территорию Великого Новгорода, сохранялся в официальной терминологии в течение XVI и XVII вв., включался в международные договоры.¹⁵ Длительное бытование этого термина отражало долго сохранявшиеся в Новгородской земле давно сложившиеся там особенности административного устройства (деление Новгородской земли на пятины, Новгорода — на «концы» и т. д.), фискального обложения, монетной системы, суда и т. д. Так как прежний высший класс, господствовавший в Новгородской республике, был полностью вывезен в другие области страны и управление Новгородской землей стало поручаться наместникам, присылаемым из Москвы и полностью подчиненным центральной власти, сохранение автономии Новгородской земли не представляло опасности для единства и целостности Русского государства.

Поскольку формально продолжало функционировать «Новгородское государство», стоявшие во главе его управления великокняжеские наместники сохранили и внешнеполитические функции — право непосредственных сношений с иностранными государствами,¹⁶ прямо унаследованное от высших органов власти Новгородской республики. Было сделано лишь одно исключение: право сношений с Литвой (раньше имевшее важное значение в жизни Новгорода) целиком перешло в руки Москвы.¹⁷ Но зато сношения с Ливонией и Швецией, с которыми граничила только Новгородская земля (и Русское государство стало граничить лишь после присоединения Новгорода), официально остались в ведении новгородских наместников.¹⁸ В соответствии с тогдаш-

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Предисловие. В кн.: А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957, стр. 4—5.

¹⁶ Там же, стр. 4—5; см. также: М. Н. Тихомиров. Россия в XVI в. М., 1962, стр. 279; А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI в., стр. 206—207.

¹⁷ Поскольку Литовское великое княжество было наиболее крупным на Западе соседом и внешнеполитическим противником молодого Русского государства и литовские владения граничили главным образом с основными владениями московских великих князей и, напротив, лишь на небольшом протяжении имели непосредственную границу с новгородскими землями.

¹⁸ По сведениям сохранившейся в Стокгольмском архиве документации русско-шведских переговоров первой половины и середины XVI в., И. Фридлендер подтверждает, что хотя в это время переговоры фактически стали вестись уже в Москве, официальная церемония заключения

ними иерархическими представлениями «государь всея Руси» не считал правителей Ливонии и Швеции равными себе,¹⁹ считал их равными по рангу лишь наместнику Новгорода, возглавлявшему «Новгородское государство» и являвшемуся преемником правителей Новгородской республики — архиепископа, посадника и тысяцкого (с которыми как с равными ранее вели сношения правители Швеции и Ливонии). В ведении новгородских наместников остались и политические сношения с Ганзейским союзом, с которым имел торговые связи только Новгород (и Псков).

Дипломатические отношения с Ливонией — и текущая переписка, и заключение международных договоров — оставались функцией новгородских наместников²⁰ вплоть до конца существования Ливонского государства (до начала Ливонской войны).²¹ Еще дольше, до конца XVI в., новгородские наместники сохраняли официальное право прямых сношений с правительством Швеции.²²

Поскольку после ликвидации Новгородской республики на обязанности новгородских наместников остались и все внутреннее управление Новгородом с его огромными владениями, и внешние сношения с соседними государствами и с Ганзейским союзом, для нормального выполнения этих функций наместники должны были иметь в своем распоряжении все основные государственные документы прежней власти, все материалы, которыми определялась и вся сложившаяся веками внутренняя адми-

договоров России со Швецией продолжала проводиться в Новгороде псевдскими послами и новгородскими наместниками (I. Fridlaender. *Op. cit.*, s. 129).

¹⁹ Юридически главой Ливонского федеративного государства был магистр Ливонского рыцарского ордена; но Ливонская федерация была непрочным объединением автономных феодальных владений, и роль магистра была невелика. Кроме того, Ливонский орден юридически считался частью Священной Римской империи, а магистр официально был вассалом императора. Не была самостоятельна и Швеция: с 1397 и до 1523 г. она находилась под властью датских королей, хотя с 1434 г. добила полную внутреннюю автономию, юридически глава Шведского государства носил лишь титул правителя (регента) и потому не был равен по сану коронованным монархам. Поэтому великий князь огромной Русской державы действительно мог считать ниже своего достоинства ведение непосредственных сношений с правителями Ливонии и Швеции.

²⁰ Фактически в XVI в., особенно в середине века, основные переговоры велись уже в Москве, но церемония заключения договоров всегда проводилась в Новгороде и Пскове.

²¹ Прямые сношения Руси с Ганзой после заключения договора 1514 г. прекратились и возобновились уже в конце XVI в. в Москве.

²² После восстановления в 1523 г. независимости Шведского государства шведские короли Густав I Васа, Эрик XIV и Иоанн III неоднократно высказывали недовольство тем, что им приходится иметь сношения не непосредственно с российским монархом, а с новгородскими наместниками (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Сб. РИО, № 129, 1910, стр. 1, 19—21, 34—35, 38—40, 88, 90—93, 182, 233 и др.; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2. СПб., 1896, стлб. 107—108, 206, 259, 261, 577; А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI в., стр. 207).

нистративная система, и вся система внешних отношений (в первую очередь международные договоры); иными словами, наместнику был нужен государственный архив Великого Новгорода. Поэтому совершенно очевидно, что архив не мог быть уничтожен после занятия Новгорода Иваном III в 1470-х годах и не мог быть вывезен в Москву. Архив должен был остаться в действующем состоянии в Новгороде.

Как долго после 1470-х годов продолжал функционировать этот архив?

Выше были приведены сведения из описи Царского архива 1570-х годов, из которых видно, что в 30—40-е годы XVI в. новгородский государственный архив использовался местной и московской правительственной администрацией, из него в случае надобности привозились в столицу нужные правительству документы. Позднее середины XVI в. нами такие сведения не найдены. Правда, мы вообще имеем мало сведений о деятельности новгородских административных органов второй половины XVI в., ибо новгородский архив XVI в. также не дошел до наших дней. Но по некоторым данным можно предположить, что после середины XVI в. старый новгородский государственный архив стал утрачивать свое значение для практических нужд новгородской администрации.

Прежде всего во второй половине XVI в. сократились, а в конце века совсем прекратились высокие внешнеполитические функции новгородских наместников. Ливонская федерация кончила свое существование в первые годы Ливонской войны, а сношения со Швецией во время Ливонской войны и в последующие годы велись главным образом самим русским правительством (хотя формально до 90-х годов XVI в. новгородские наместники еще сохраняли официальное право прямых сношений с шведскими королями). По существу же на обязанности новгородских наместников остались к концу века лишь текущие отношения с губернаторами пограничных шведских провинций (в 1561 и 1581 гг. Швеция захватила северную часть Ливонии и стала единственным иностранным соседом Новгородской земли). В результате во второй половине XVI в. большой внешнеполитический фонд новгородского государственного архива стал утрачивать свое практическое значение; для решения мелких пограничных дел богатые материалы этого фонда не были нужны. Данный фонд оказался ненужным и для практических надобностей центрального дипломатического ведомства страны — Посольского приказа — и не был затребован в Москву; при сравнении описей Царского архива 1570-х годов и архива Посольского приказа 1614 г. не видно, чтобы к 1614 г. в архиве Посольского приказа появились какие-либо внешнеполитические документы XIV—XV вв., происходящие из Новгорода.

Видимо, во второй половине XVI в. утрачивает практическую полезность и вторая часть старого новгородского архива, охва-

тывавшая дела внутреннего административного управления и внутренней жизни Новгородской земли. К этому времени сложившиеся за века новгородской независимости специфически местные особенности административного устройства, фискального обложения и другие стали все более уступать место общерусским порядкам; за сто лет (с 1471—1477 гг.) накопился новый архив, дававший образцы для разрешения всех административных и судебных дел. Одним словом, для практической деятельности новгородских местных органов управления государственный архив Великого Новгорода более не требовался.

Что случилось далее с этим архивом?

Поскольку новгородский архив и за последующие два столетия — XVI и XVII вв. — не сохранился до наших дней, точных архивных сведений о судьбе древнего новгородского архива ожидать не приходится. Не заинтересовались древним новгородским архивом и шведы, оккупировавшие Новгород в 1611—1617 гг., хотя, казалось бы, их внимание могли привлечь хранившиеся в этом архиве (если он еще существовал) документы об отношениях Великого Новгорода со Швецией. Однако, вывозя при эвакуации Новгорода в 1617 г. огромное количество материалов текущей документации, шведы не тронули даже материалы XVI и первых лет XVII в., не говоря уже о более ранних документах.²³

Для понимания дальнейшей судьбы древнего новгородского архива показательны сведения о судьбе одного из новгородских архивов XVII в. и одного из архивов Псковской феодальной республики XIV—начала XVI в.

В 30-х годах XVIII в. в Новгороде, в стене использовавшегося под казарму старого казенного каменного здания, при ремонте были обнаружены вороха старых рукописей; в большинстве своем бумаги эти были «ветхи и гнилы». находку доставили в Петербург, и часть рукописей, бывшую в лучшем состоянии, оставили в Академии наук (ныне хранится в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР), большинство рукописей ввиду их ветхости Академия не взяла, и дальнейшая судьба их неизвестна.²⁴ По сохранившимся остаткам этого фонда можно

²³ Этот факт еще не свидетельствует, что к тому времени древний новгородский архив уже не существовал. Как теперь выяснилось (И. П. Паскольников. Как оказался в Стокгольме новгородский архив начала XVII века. Советские архивы, 1968, № 3, стр. 115—117), архивные материалы из Новгорода были вывезены в 1617 г. не для шведского государства, а для личных нужд шведского главнокомандующего Делагарди: были увезены только документы за то время (за 1611—1617 гг.), когда Делагарди фактически управлял оккупированной Новгородской землей. Более ранние документы Делагарди просто не интересовали и попали в число вывезенных рукописей случайно.

²⁴ Р. И. Козинцева. Источники по истории русско-скандинавских отношений в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР. В кн.: Исторические связи Скандинавии и России, Л., 1970, стр. 343.

установить, что это был архив Посольского стола Новгородской приказной палаты — важного отдела воеводского управления, ведавшего сношениями с властями пограничных шведских провинций; уцелевшие рукописи относятся к 1620—1660-м годам. Видимо, через некоторый промежуток времени после 1660-х годов бумаги 20—60-х годов XVII в. стали не нужны для текущей работы Посольского стола, их оставили в какой-то нише одного из казенных зданий, где большая часть бумаг скоро стала гибнуть от сырости. По немногим уцелевшим рукописям видно, что архив Посольского стола за XVII в. должен был быть богатым и обширным, содержать тысячи ценных документов по истории пограничных отношений России и Шведского государства, но в большей части погиб от небрежения высших чинов местной новгородской администрации конца XVII—начала XVIII в.

Другой пример гибели богатого архива дает известная находка археологической экспедиции Г. П. Гроздилова в Пскове в 1961—1962 гг. В Довмонтовом городе (рядом с Кремлем) при раскопках внутри фундамента древней каменной гражданской постройки было обнаружено в культурном слое несколько мелких фрагментов истлевшего пергамента и более 500 свинцовых вислых печатей XII—XV и первых лет XVI в.²⁵ Это явно остатки одного из псковских архивов Псковской боярской республики;²⁶ по-видимому, после ликвидации Псковской республики учреждение, помещавшееся в гражданской застройке, прекратило свою деятельность и накопленные документы были заброшены; постепенно здание развалилось, документы оказались в земле и погибли от тления.

Третий пример гибели древнего архива — уже упоминавшиеся нами знаменитые находки печатей на Городище около Новгорода. По-видимому, находившийся здесь архив хранился в стоявшем на Городище деревянном или каменном здании; как и в Пскове, в какое-то время здание было заброшено, развалилось, рукописи оказались в земле и истлели, смогли сохраниться лишь свинцовые печати.

Найденные на Городище печати относятся ко времени от XI в. и до последних лет существования Новгородской республики; печати более позднего времени не обнаружены. Следовательно, данный архив относится целиком к периоду новгородской независимости, он находился в действующем состоянии и накапливался, пока существовала Новгородская республика, а утратил практическое назначение после подчинения Новгорода Русскому государ-

²⁵ В. Д. Белецкий. Раскопки в Пскове. Сообщ. Гос. Эрмитажа, вып. XXVII, Л.—М., 1965, стр. 87.

²⁶ Как сообщил автору настоящей работы В. Д. Белецкий, это был, судя по составу печатей, скорее всего не государственный архив Пскова, хранившийся, по сведениям источников, в Троицком соборе Кремля, а один из имевшихся в Пскове архивов отдельных органов управления городом и областью.

ству. Так устанавливается и примерное время, и причины гибели архива: после ликвидации Новгородской республики в конце XV в. архив стал не нужен, был заброшен и стал гибнуть. И произошло это, видимо, потому, что прекратил свое существование тот государственный орган, которому архив принадлежал и для деятельности которого был необходим.

Чей же это был архив? Был ли это один из правительственных архивов Великого Новгорода? Или основной государственный архив Новгородской республики?

Как известно, Городище с XII в. было резиденцией новгородских князей, вытесненных республиканским строем из самого Новгорода и вынужденных жить вне города. Поэтому В. Л. Янин вполне резонно предположил, что на Городище скорее всего хранился архив новгородских князей.²⁷ Архив, содержащий (судя по печатям) разнообразные документы XI—XV вв., в том числе большое число документов еще домонгольского времени, явно принадлежал государственному органу, функционировавшему на протяжении всего времени существования Новгородской республики. вполне возможно, что этим органом была княжеская резиденция, где в архиве накапливались документы, связанные с текущей деятельностью новгородских князей или (на время их отсутствия в Новгороде) их наместников. Когда же Новгород был подчинен Москве, лишился своих республиканских правительственных институтов и на их место в новгородский Кремль перешли великокняжеские наместники вместе с их канцелярией, Городище опустело, было заброшено вместе с его жилыми и служебными зданиями. Возможно, что после подчинения Новгорода Москве документы, хранившиеся в архиве княжеской резиденции на Городище, по своему содержанию стали не нужны для деятельности великокняжеских наместников и потому не были захвачены с собой наместниками при их переезде в Кремль; вместе со всей княжеской резиденцией и архив на Городище был заброшен, а через какое-то время погиб под развалинами зданий.

В пользу предложенной В. Л. Яниным атрибуции архива, оставшегося на Городище, говорит и отсутствие среди городищенских находок печатей иностранного происхождения: документы сношений с иностранными государствами должны были храниться не в княжеском, а в основном государственном архиве.

Если погибший на Городище архив княжеский, то надо предполагать, что где-то в другом месте к моменту ликвидации новгородской независимости должен был находиться накопившийся за предшествующие столетия гораздо более богатый основной государственный архив, в котором хранились все важные государственные документы внутри- и внешнеполитического значения. Весьма вероятно, что государственный архив хранился в главной, наиболее укрепленной и безопасной части города — в Кремле, где

²⁷ В. Л. Янин. Изучение древнерусских вислых печатей, стр. 33—34.

проходила деятельность высших должностных лиц республики — посадника, тысяцкого, архиепископа, где в XV в. в Грановитой палате собирался «совет господ»; ведь архив должен был постоянно находиться под рукой для текущей работы высших должностных лиц и республиканских органов. И поскольку нам известно, что государственный архив и после ликвидации новгородской независимости остался в Новгороде, ибо постоянно требовался для практической деятельности назначаемой великим князем местной администрации — наместников, дьяков, вероятно, что и после 1470-х годов старый государственный архив оставался в Кремле.²⁸ А спустя сто лет, когда старый архив перестал быть нужен, его могли сложить в одном из кремлевских зданий (на чердаке, в подвале, в сарае), и он погиб от времени и небрежения так же, как погибли архив Посольского стола в том же Новгороде в XVIII в. и один из псковских архивов, заброшенный в Довмонтовом городе Пскова. Не исключено, что когда-нибудь во время раскопок в новгородском Кремле удастся, как и в Довмонтовом городе, найти в земле большое скопление свинцовых печатей — остатки новгородского государственного архива.

Существует и другое предположение, высказанное М. Н. Тихомировым: государственный архив Новгорода хранился в вечевой башне,²⁹ стоявшей на Торгу, на вечевой площади, где собирался главный орган Новгородской республики — вече. Но и в этом случае после 1470-х годов архив должен был находиться в Кремле,

²⁸ Упомянутая реляция шведских послов о переговорах 1537 г. содержит одно указание, как будто говорящее в пользу этого предположения. В реляции сообщается, что шведские послы неоднократно требовали показать им подлинник Ореховецкого договора, а русские представители упорно показывали им другой договор с более благоприятными для России условиями (договор 1339 г.?); лишь после настояний послов через два дня им был предъявлен Ореховецкий договор, по словам русских представителей, после долгих поисков найденный у архиепископа (I. Fridlaender. *Op. cit.*, s. 126). Поскольку русские уполномоченные по политическим соображениям явно не хотели показывать послам Ореховецкий договор, ссылка на долгие поиски, видимо, лишь дипломатическая уловка. Но можно ли считать достоверным указание на место хранения договора «у архиепископа»? Не содержится ли в сообщении о долгих поисках и о том, что договор был в конце концов найден «у архиепископа», намек на то, что договор был найден не в обычном месте, не там (т. е. в государственном архиве), где он должен был находиться, а в другом месте, в архиепископском архиве? Случайно ли оказался в архиве «у архиепископа» Ореховецкий договор? Или там же находились и остальные важные внешнеполитические документы Великого Новгорода? Был ли это только архиепископский архив (архив новгородской церковной епархии)? Или (что весьма возможно) основной государственный архив после падения новгородской независимости был передан архиепископу как единственному высшему должностному лицу Новгорода, преемственно оставшемуся в своей должности и при новой, общероссийской власти? Во всяком случае архиепископская резиденция оставалась и до, и после событий 1470-х годов в новгородском Кремле, следовательно, архив, в котором хранился Ореховецкий договор, находился в Кремле.

²⁹ М. Н. Тихомиров. *Источниковедение истории СССР*, стр. 114.

чтобы постоянно быть в распоряжении великокняжеской администрации.

Все эти предположения основываются на мнении, что на Городище были найдены остатки княжеского архива.

Однако против данного предположения говорит одно существенное обстоятельство. Городище было реальной резиденцией новгородских князей только в XII и XIII вв.; с начала XIV в. на новгородский стол новгородцы стали избирать великих князей: в первые десятилетия XIV в. — то тверских, то московских, после победы Москвы над Тверью в борьбе за великое княжение — только московских. Великие князья, естественно, не жили постоянно в Новгороде, они жили в своей столице (с 20-х годов XIV в. в Москве) и в Новгороде бывали лишь изредка, наездами.³⁰ Соответственно политическая роль княжеской резиденции в XIV—XV вв. должна была резко упасть; там постоянно пребывал назначаемый новгородским князем (великим князем) наместник, не обладавший ни властью, ни влиянием и фактически лишь выполнявший роль личного представителя князя в Новгороде. Можно ли предполагать, что у столь невлиятельного княжеского чиновника мог в XIV и XV вв. накопиться богатейший архив? Нужны ли были находившиеся там многочисленные документы для практической деятельности этого малозначительного чиновника?

Поскольку принадлежность князю архива, хранившегося на Городище, не бесспорна, допустима и другая атрибуция этого большого собрания новгородских документов: это мог быть и основной государственный архив. В пользу такого предположения говорят внушительные размеры архива. Ведь только по числу найденных печатей точно известно наличие там более тысячи документов. Совершенно очевидно, что обнаружена лишь какая-то часть печатей, находившихся в почве Городищенского холма. Неизвестно, сколько печатей еще осталось в земле, сколько их во время весенних паводков было унесено водами Волхова и оказалось на дне реки, сколько их было выброшено вместе с землей во время рытья канала и других земляных работ на Городище. Здесь могло быть несколько тысяч документов, а отсутствие иноземных печатей могло быть вызвано тем, что часть архива, охватывавшая внешнеполитические документы, могла храниться в другом месте.

Каким образом государственный архив Великого Новгорода, безусловно находившийся и до падения новгородской независимости, и после в самом городе, скорее всего в Кремле, мог оказаться на Городище? Разумеется, на этот вопрос можно ответить только предположительно. Ведь Городище находится всего в двух верстах от Новгорода, после подчинения Новгорода Москвой оно

³⁰ А. В. Арциховский. К истории Новгорода. Истор. записки, 1940, № 2.

скорее всего продолжало быть государственной собственностью вместе с сохранявшимися там зданиями; могло быть, что, когда в конце XVI в. государственный архив Великого Новгорода стал уже не нужен местной новгородской администрации, его отвезли на Городище, где еще могли существовать казенные здания, пустовавшие после переезда княжеских наместников в Кремль. И там оставленный без присмотра архив погиб в заброшенном здании прежней резиденции новгородских князей.

Какое из двух предположений об атрибуции архива более вероятно? Думается, что оба предположения имеют право на существование, имеют сильные и слабые стороны. Может быть, будущие исследования, новые находки печатей и поиски остатков архива путем раскопок на Городищенском холме помогут приоткрыть завесу над тайной. Но не менее вероятно, что мы так никогда и не получим окончательного решения, должны будем ограничиться гипотезами.

Из изложенного очевидно, что новгородский архив периода феодальной республики (или новгородские архивы этого времени, если их было несколько) не был ни вывезен в Москву, ни уничтожен после подчинения Новгорода Иваном III; архив оставался еще в XVI в. в самом Новгороде и позднее погиб здесь же, но не в результате преднамеренного акта назначаемой из Москвы администрации, а от человеческого небрежения.³¹

³¹ Так же погибли и богатейшие новгородские архивы за XVI и XVII вв. А ведь об их огромном объеме можно судить по размерам архивного фонда местного управления, вывезенного в 1617 г. шведами: только за 6 неполных лет целиком вывезенный фонд составил 28 тыс. листов рукописей (ныне хранящихся в Стокгольме). Если, следовательно, за год накапливалось около 5 тыс. листов, то за столетие — сотни тысяч листов документов и материалов, освещавших все стороны жизни Новгорода и Новгородской земли.